

РАЗДЕЛ 3.
КЛАССИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Гарольд Лассвелл
Перевод: Матыгина Е. Б.,
Солопова О. А.

ГЛАВА 2. СТИЛЬ В ЯЗЫКЕ ПОЛИТИКИ

Abstract

The article is concerned with the problem of style in political communication. The analysis is chiefly directed toward certain "causal" factors affecting style. The author proves that style in the language of politics varies according to the basic features of a situation in which communication is an instrument of power. The power situations can be classified according to the degree of crisis, the degree of despotism or democracy. The author also argues that style characteristics may prove to be diagnostic criteria for the disclosure of destructive or creative political personalities.

Когда мы исследуем ритмический рисунок прозы Уинстона Черчилля или длину предложений в звучных речах Даниэля Вебстера или Джозефа Чоата, мы имеем дело со стилем. Речь идет также о стиле, когда мы рассматриваем неторопливый темп Франклина Рузвельта и манеру его беседы на радиовыступлениях, и сравниваем их с ревом и напыщенной речью Гитлера (Для изучения речей политиков обратитесь к Вильяму Норвуду Бригансу, редактору, *История и критика американского публичного выступления: William Norwood Brigance, A History and Criticism of American Public Address, McGraw-Hill, New York, 1943 (2 vols.)*). Стиль, в языке политики, – это организация частей, из которых состоит политическая коммуникация.

Литература, посвященная стилю, зачастую наполнена двусмысленностью, особенно когда автор следует традиции вкладывать в слова широкий и часто неопределенный набор эстетических, практических и научных значений. «Стиль», – по мнению Миддлтона Мюррея, – «это не изолируемое качество письма; это и есть само письмо». Конечно, мы не продвинемся дальше, если сведем проблему стиля к дефиниции письма как такового. В том же духе Кардинал Ньюман писал, что «мысль и речь неотделимы друг от друга. Содержание и выражение – это части одного целого: стиль – это мысль, облаченная в язык... Когда мы сможем разделить свет и освещение, жизнь и движение, выпуклость и впадину дуги,

только тогда будет допустимо, что интеллект откажется от своей двойственности». Мы ничего не получаем, идентифицируя весь язык со стилем.

Наиболее приемлемо определение Баффона: «Стиль – это просто порядок и движение, заданные мыслям. Главное достоинство терминов «порядок» и «движение» в том, что они могут быть отнесены к организации элементов, из которых выстраивается коммуникация (Прекрасный обзор теории литературного стиля дан Вильямом Куртсом Вимсаттом Дж., *Стиль прозы Сэмюэля Джонсона: William Kurtz Wimsatt Jr. The Prose Style of Samuel Johnson, Yale University Press, New Haven, 1941 (Yale Studies in English, Volume 94)*).

Коммуникация организует два вида элементов: символы и знаки. Символы – это значения; знаки – материальные средства, используемые в десемантизации значения. Слово «конституция» – это символ (или, если быть более точным, группа символов), а черные отметины на бумаге в момент печатания слова – знаки. Фильмы, рисунки, нотные записи, памятники – это тоже знаки. Каким бы не был элемент коммуникации, он встречается в различных моделях одновременно с другими элементами, или в других временных последовательностях.

При анализе организации частей коммуникации полезно знать некоторые различия. Части бывает мало или много; мы говорим о *краткости* или *многословии* стиля. Коммуникация многословна в том случае, когда используется больше чем необходимо элементов для достижения результата. Многословность знака имеет место, когда число добавочных знаков превосходит количество простых знаков. Простой знак – это минимальная величина, которая дает возможность передать и понять сообщение. Любой избыток является дополнительным. Когда голос громче, чем требуется, излишний звук – это дополнительный знак. Если буквы на бумаге крупнее и выделены более жирным шрифтом, чем это необходимо для понимания читателем, они являются дополнениями. Символы излишни, когда слова используются за пределом минимума, необходимого для передачи сообщения внимательной аудитории, обладающей требующимися знаниями и навыками (Границу между

простым и дополнительным знаком труднее всего провести в скульптуре. В литературе не сложно определить, какие черты знака лежат за пределами «минимума, необходимого для понимания». Удивительный пример использования дополнительного знака можно встретить у Нодьера в *Le Roi de Bohême et ses sept Chateaux*, в котором автор «истощает источники печатного учреждения. По его команде буквы удлиняются так, что занимают все пространство от верхнего до нижнего края страницы; он командует снова, и они уменьшаются до крошечных размеров; он вопит, и они в ужасе становятся на дыбы, им завладевает уныние, и они понурили головы по всей строке; они неразделимо перемешаны с иллюстрациями; латинские и готические группы чередуются в соответствии с настроением момента; иногда они встают с ног на голову, так что нам приходится повернуть книгу вверх ногами, чтобы прочитать их, иногда они настолько близко следуют за повествованием, что спуск с лестницы описан так: “Вслед за этим наш герой удрученно спустился с лестницы”» (Брандес, *Основные течения литературы 19 века*: Brandes, *The Main Currents of Nineteenth Century Literature*, Boni and Liveright, New York, 1924, Vol. V, pp. 40-41.). Еще одно необходимое различие – это количество *повторяемости* или *разнообразия* элементов.

Наш анализ политического стиля будет также трактовать в качестве элемента (или модели элементов) символы и знаки, которые имеют сходство с результатом, искомым коммуникатором. Когда председатель аплодирует оратору, которого он представил, он *моделирует ожидаемый результат*, для того чтобы дать стимул аудитории. Когда человек, занимающийся сбором денег, перед публикой кидает звенящий доллар на тарелку в то время, как мимо проходит швейцар, он также моделирует результат. Противоположная зависимость – *противопоставление результату*; она, например, характерна для ситуации, когда святой благословляет коленопреклоненное большинство.

Возможно, стоит отметить, что элементы, выбранные для анализа стиля, могут быть синтаксическими или семантическими. Изучение синтаксиса в духе

Чарльза У. Морриса имеет дело с внутренними отношениями. Логический анализ – синтаксический, так как он рассматривает утверждения, встречающиеся в основной части данного дискурса в соответствии с согласованностью, обобщением и сходными критериями. Семантический анализ – вопрос значений внешних по отношению к коммуникации, в нем, например, обращают внимание на то, упоминаются политические объекты или нет. Рассредоточенность противоречивых утверждений на протяжении пространной дискуссии может быть полезна в изучении стиля на основании гипотезы о том, что противоречия в речи, значительно удаленные друг от друга, воспринимаются аудиторией лучше всего. Семантической темой также является использование «статичных» и «подвижных» символов. Плакаты Русской революции были насыщены изображениями людей в движении, жестами, привлекающими внимание, и восклицаниями; позднее символы стали более «спокойными».

Обнаружив стилевые различия, можно их исследовать для того, чтобы определить производимый эффект и мотив (прагматика). В первую очередь, в политике нас интересует не сам результат, а эстетическая оценка (удовольствие). Поэтому оставим другим исследователям проблему стиля в духе Свифта «должные слова в должном месте». Язык политики, главным образом, нацелен на осуществление действия или оценки (внимание или понимание обычно не являются конечными политическими целями сами по себе). Давно известно, что на формирование стиля влияют многочисленные социальные и личностные факторы. Широко известный афоризм гласит: «Стиль – это человек», или как его перефразировал Фрейд: «Стиль – это история человека» (*Отмечено у Теодора Рейка*: Theodore Reik, *Тридцать лет с Фрейдом*, London, Hogarth Press and the Institute of Psychoanalysis, 1942, p. 19.). Было предпринято немало импрессионистских и научных попыток соотнести стиль, личность и положение в обществе. Исследовали почерк, жесты, осанку, походку, интонацию и дефекты речи (*Удобный путеводитель – Часть II «Расстройства личности и поведения»*: *Personality and the behavior Disorders*, edited by J. McV. Hunt, New York, Ronald Press, 1944 (2 vols.)).

Стиль в языке политики варьируется в соответствии с основными чертами ситуации власти. Политические ситуации могут быть классифицированы по степени кризиса. Другой критерий – степень деспотизма или демократии.

Кризис и стиль. Самый напряженный кризис подразумевает физическое сражение и включает битвы, восстания и мятежи. Многие события, на которых провозглашается политический курс, являются чрезвычайно напряженными, например, такие, когда выносятся и объявляются вердикты и приговоры, или когда обнародуются законы, подписываются договоры и происходит голосование. Как правило, относительно низкий уровень напряжения характеризует *формирование политического курса* посредством дипломатических переговоров, арбитража, судебных споров, дискуссий комитета, парламентских дебатов, предвыборных речей и смежных форм публичных обсуждений. Наименее напряженным, как правило, является *церемониальное событие*, на котором различия сторонников преуменьшаются, а символы единства поддерживаются (празднование победы, поминальные службы, торжественное введение в должность).

Кризис – это ситуация, в которой причиняются или предвещаются суровые лишения, такие как насилие. Отсюда, структура ожидания – это доминирующая черта кризиса. Деспотизм или демократия, с другой стороны, – это, в первую очередь, вопросы потребностей: в первом случае – во «власти над», а в другом случае – во «власти с». Мы предполагаем, что эти основные факторы ситуации отражаются в *стиле*, так как мы знаем, что они отражаются в *содержании* сказанного.

Для начала рассмотрим кризис активного сражения. Наиболее заметный инструмент власти – специализированный орган насилия – оружие или обученный боец. Оружие, функциональность которого роднит его с языком – это ракета, поскольку ракета, как и слово, способна нанести ущерб на расстоянии. Из истории оружия мы знаем, что снаряды постоянно видоизменяются с конечной целью стандартизации и экономии. Тенденция к стандартизации видна в спецификациях формы, установленных для определенного типа снаряда. Стремле-

ние к экономии выражено, например, в попытке сократить относительный вес оболочки снаряда по отношению к взрывчатому веществу. Конструкция снаряда модифицируется для того, чтобы сократить сопротивление ветра и увеличить дальность и точность.

Языку сражения также присущи тенденции к стандартизации и экономии. Боевой клич – выберем наиболее характерный пример – в высшей степени стандартизирован, и обычно состоит из одного, максимум нескольких звуков или слов, повторяемых установленным образом. Идет ли речь о повстанческом крике Армий Конфедерации, или боевом кличе индейцев Камачи, сразу выявляются основные характеристики краткости и повторяемости.

Следует подчеркнуть, что символы и знаки проходят одни и те же стадии адаптации. Символы обычно сведены в ключевые лозунги или эпитеты. Магометане, бросающиеся в бой, выкрикивая имя Аллаха, вкладывают в этот единственный символ огромное количество невыраженных словами требований к самим себе, к неверным и к самому Аллаху. Когда эпитет бросают как гранату в лицо противника, он вбирает в себя определенные призывы к совести последнего. Назвать солдата «убийцей детей» – значит использовать кратчайший способ обращения к тщательно продуманному обвинению его нравственности в ведении войны, и его национального и личностного характера. В сражении материальные носители коммуникативного послания сжаты и часто соответствуют обтекаемой модели снаряда (подобно тому, как кипы листовок разбрасываются над линией врага).

Истинным является утверждение о том, что язык используется как средство защиты: чаще как щит, бруствер или крепость, нежели как снаряд. В этом случае повторение единиц – это характерная черта, хотя количество повторяемых единиц может возрасти. Одна из типичных ситуаций, в которой коммуникативные сообщения адресованы себе, а не врагу, – период, когда защитники терпеливо противостоят вражескому нападению. Все поют одну и ту же песню, но песен поется больше, чем при наступлении.

Помимо происходящих стилистических изменений, сравнимых со снарядом и щитом, язык активно видоизменяется в сражении-действии. Если в наших намерениях – напугать противника, то мы можем подчеркнуть собственную силу высокомерными, заносчивыми словами и манерами. Очевидно, что это противоположность той ответной реакции, которую мы желаем увидеть от врага, – это противопоставление результату. Если мы предполагаем, что наш противник намерен сдаться, мы можем внезапно прерывать сражение, приказывая ему сдаться. Мы можем моделировать ожидаемый результат, изображая, что слагаем оружие.

Тактика моделирования ожидаемого результата таит в себе определенные опасности. Неправильно истолковав наши жесты, враг может решить, что мы предлагаем сдаться. Он может презрительно высмеять предполагаемое проявление нашей слабости и вновь мобилизоваться. Стоит обратить внимание на тот фактор, который в значительной мере определяет ситуации, в которых может быть использовано моделирование ожидаемого результата. Важно, что человеческое эго не препятствует представлению данного человека в качестве исполнителя той ответной реакции, которую сообщение должно вызвать у аудитории. В смертельном бою мы готовы вонзить кинжал в спину врагу, и поэтому мы можем моделировать возможную ответную реакцию, радуя за благо собрата по оружию. Но чувство собственного достоинства не позволит нам признать свою слабость в самом начале, сделав вид, что мы готовы капитулировать. Когда сражение – в нашу пользу, и мысль о капитуляции несостоятельна, мы можем воспользоваться тактикой моделирования ожидаемого результата, для того чтобы дать врагу стимул сдаться без риска выступить в постыдной роли перед собой или другими. В целом, мы, колеблясь, используем моделирование ожидаемого результата перед теми, кто, по нашему мнению, имеет право претендовать на наше особое внимание. Мы учим детей, совершая поступки, которым следует подражать; мы можем сделать то же самое для бестолковых людей и людей, несведущих в нашем языке, и это не будет «за пределами нашего достоинства». Мы моделируем результат, объяс-

няя жестами, как пройти куда-либо.

Одна из фаз сходства с моделированием ожидаемого результата (идет ли речь о копировании или противопоставлении) – использование элементов «динамика» или «статика» в соответствии с природой ожиданий аудитории. При обращении к «низшим классам» в стране могут быть задействованы менее сдержанные жесты и голосовые эффекты, чем при обращении к «высшим классам» этой страны.

То же самое характерно для элементов коммуникации «конкретное» и «абстрактное». Как правило, ожидается, что большая часть людей скорее отреагирует на «изобразительную» или «реалистичную» живопись, нежели чем на абстрактную. Однако может существовать противоположная ситуация, когда «враг» заклеен как симпатизирующий «банальным» стилям искусства, и прогресс начинает ассоциироваться с более абстрактными стилями. (Во время агитационных периодов революции в России революционерами приветствовались «модернистские» течения искусства.)

Можно подвести некоторый итог влияния сражения на стиль: речь становится более краткой, насыщенной повторами и противопоставлениями ожидаемому результату. Это обусловлено ожиданиями, вовлеченными в сражение-действие. Когда сражаются противники равные по силе, они достаточно мудры, чтобы экономить энергетические затраты. Поэтому знаки, используемые в коммуникации, сжаты настолько, насколько это совместимо с искомым результатом; помимо этого знаки становятся более однообразными. Символы соответствуют тем же критериям. Тактику противопоставления ожидаемому результату можно использовать главным образом тогда, когда существует вероятность запугать врага.

Вышесказанное подразумевает, что *стиль варьируется в зависимости от ожиданий коммуникатора, связанных с организацией элементов коммуникации, которая как можно экономичнее достигнет оптимального результата (власти)*. Это положение становится базовым для теории стиля в языке политики в приложении ко всем политическим ситуациям, не только к сражению

В ситуациях, когда кризисы менее интенсивны, существует больше свободы для многословности и разнообразия, для более широкого спектра выражений вне зависимости от возникающих мотивов. В ситуациях, когда провозглашается новый политический курс, и когда подчинение власти сомнительно, многословность символа – это средство увеличить призывы согласиться с ожидаемым результатом. Язык судебных заседаний хорошо известен своей замысловатостью; большая часть этой затейливости идет от сомнений в подчинении. Ставки судебного процесса зачастую высоки и укоренившиеся по традиции символы закона могут уменьшить искушение выказать неповиновение вердикту. (В этой связи уместно отметить, что в решениях апелляционного суда судебное решение часто предназначено для успокоения проигравшей стороны и ее адвоката.)

В процессе формирования политического курса, дисциплинарное влияние кризиса на язык менее очевидно, чем при провозглашении политического курса или в сражении. Ожидания будущего кризиса воздействуют на стиль в той степени, в какой является сомнительным мирное урегулирование диспута. Многословие культивируется в традиционном языке дипломатии – вплоть до разрыва официальных отношений или объявления войны. В дипломатии функция многословия заключается в том, чтобы скрыть прямой конфликт личности и предотвратить «кризисы самоуважения» или поруганной чести. Подобные факторы поставлены на карту при проведении судебного процесса, а также при объявлении вердикта или вынесении приговора. Хотя парламентские дебаты менее официальные, они ограничены определенными рамками, правилами, которые могут быть задействованы в случае, когда резкие расхождения мнений предвещают срыв обычной процедуры.

В ситуациях, когда преобладают законопослушные настроения, политический курс на этапах его формирования и провозглашения прост. Это относится к проведению судебного процесса: представители суда могут невнятно говорить, а зрители привставать, когда судья входит в зал суда или покидает его.

Следующий фактор, влияющий на краткость – это ожидание, связанное с

применением рациональных стандартов. Язык становится исключительно инструментом понимания, он в высшей степени сжат. Речь адвоката перед апелляционным судом менее сдобрена не относящимися к делу фактами, чем при выступлении перед присяжными.

Когда допускается, что решения будут приниматься на нерациональных основаниях, ожидания, связанные с личными недостатками, оказывают существенное влияние на выбор подхода. Для официального лица в некоторых случаях делом чести считается не признаваться в том, что он изменил свое мнение. Если цель речи или статьи состоит в том, чтобы заставить чиновника изменить свою позицию, возможны два варианта поведения. Первый заключается в том, чтобы сделать вид, что он не совсем понял, о чем идет речь, и с помощью уклончивых высказываний, скрыть тот факт, что он это понял. Второй подход зависит от ожиданий, касающихся другой характерной черты. Можно спровоцировать внутренний конфликт между собственной потребностью быть везде и всюду и потребностью помогать слабым и тем, кто этого заслуживает. Можно отвлечь внимание от требуемого изменения и сфокусировать его на необходимости сильных и мудрых спуститься со своей высоты и прийти на помощь тем, кто незаслуженно страдает. Если человек, принимающий решение, не только тщеславен, но и добродетелен, можно смело осудить тщеславие и упрямство во имя справедливости и гуманности.

В большинстве этих примеров задействована тактика противопоставления ожидаемому результату. Но она не всегда является приемом, наиболее приемлемым для достижения ожидаемого результата в перспективе. Упомянув на сентиментальность непрофессиональных присяжных, адвокат защиты может сам оказаться сломленным в момент обсуждения трагических последствий разлучения подзащитной с ее ребенком, таким образом, устанавливая образец отношения к данной ситуации для присяжных. Вновь повторим, что стиль – это функция ожиданий, касающихся зависимости стиля и результата; а это вопрос рациональных выводов о предрасположенностях, с которыми аудитория подходит к ситуации.

Как мы уже сказали, для церемониальных событий характерен самый низкий уровень кризиса. Фактически, придерживаясь строгого определения, мы могли бы исключить их из «политики», так как принимать решения не означает проводить церемонии. В подлинной церемонии не предполагается, что система ценностей будет подвержена какому-либо влиянию. Истинная церемония оспаривает власть, уважение и другие ценности прежними, за исключением одного факта: ценности модифицируются под влиянием уважения, присущего должному исполнению церемониальных обрядов.

Повторяемость есть неотъемлемая черта церемонии, но от случая к случаю случаются отклонения (от заведенного порядка). У простых народностей, подавленных влиянием западной цивилизации, этнологами зафиксировано снижение стиля: от небрежности до полной запущенности. Однако случаются и возрождения культур, когда виды танца становятся более сложными. Иногда главные роли создаются согласно тактике моделирования ожидаемого результата, а наиболее важные танцы показывают, как данное сообщество игнорирует народы и силы извне, а само живет в мире, спокойствии и величии.

Под политическими церемониями мы понимаем события, в которых символы заимствуются с арены сражений-действий, провозглашения и формирования политического курса. (Примерами таких событий являются празднования победы, дни памяти и народного страдания.) Можно выдвинуть следующие гипотезы для объяснения определенных изменений стиля: *когда коллективный перспективы оптимистичны, стиль становится более многословным и разнообразным; когда перспективы пессимистичны, стиль становится кратким и насыщенным повторами.* Сходство с конечным результатом зависит от других ожиданий.

В предыдущем анализе кризиса и стиля подчеркивается зависимость стиля от структуры ожиданий относительно кризиса. *Когда кризис признается серьезным, таким, при котором следует сберечь энергетические запасы, тенденция такова: передаваемое сообщение должно быть кратким, повто-*

ряющимся и противопоставленным ожидаемому результату. В кризисах, в которых допускается, что на исход дела может повлиять коммуникация, на нее может быть затрачено больше энергии, стиль становится более многословным, разнообразным и моделирующим ожидаемый результат. Почти предельный по краткости и повторяемости пример – это монотонное произнесение звуков на одной высоте, такое как «Ай! Ай! Ай!» «Ра! Ра! Ра!». Возможно, хотя и теоретически, что доминирующий образец под влиянием интенсивного кризиса может быть «скалярным», а не «однообразным». То есть элементы коммуникации могут группироваться через определенные интервалы на протяжении гипотетического континуума. Пример тому – оратор, который в момент кульминации своей пылкой речи, стремительно переходит от отрывистых коротких предложений к длинным и вычурным, а затем вновь к отрывистым и коротким. Он также может резко перейти с шепота на крик и вновь с крика на шепот. Та же форма встречается в хот-джазе, когда повторение на одном уровне неожиданно сменяется скачком на контрастный уровень.

Демократия, деспотизм и стиль. Во многих отношениях наиболее поразительна корреляция политики и стиля с деспотизмом и демократией. Отличительная черта деспота – потребность доминировать вне зависимости от согласия сообщества. И «идеальный подданный» при деспотизме требует, чтобы над ним доминировали без какого-либо участия с его стороны. При демократическом строе, напротив, лидеры и ведомые объединены потребностью в разделенной власти, потребностью во всеобщем участии в принятии коллективных решений. Следовательно, как говорилось ранее, деспотизм характеризуется как «власть над», а демократия – «власть с».

Требую превосходства, недемократическая элита насаждает барьеры «дистанции» и «высоты» меж собой и гражданами. Символы и знаки находятся среди тех инструментов, которые используются с целью быть «вдалеке» и «выше». Поэтому превалирующий стиль деспотизма – противопоставление ожидаемому результату. «Команды» издаются; «послушание» обязательно. Речь монарха, его манера держаться устроены та-

ким образом, чтобы отдалить его и возвысить над подданными. Выражения, идентифицирующие самого монарха на официальных публичных мероприятиях, безличны, многословны и шаблонны.

В качестве интересующего нас материала приведем примеры из речей короля Великобритании и императора Индии. Несмотря на то, что власть монарха ослабла, язык сохранился таким как прежде. Король Георг VI до недавнего времени был «милостью божьей королем Великобритании, Ирландии и Британских доминионов, защитником веры, императором Индии». В целом, эта формулировка скромнее, чем фразы, используемые главами менее сильных держав. Будущему Георгу VI из династии Виндзоров при крещении было дано имя Альберт Фредерик Артур Георг. Позднее он стал Герцогом Йоркским, графом Инвернесса и бароном Килларни в сословии пэров Объединенного Королевства. Когда его Величество короновали, он стал герцогом Ротсейским, графом Каррика и бароном Ренфру в книге пэров Шотландии, лордом Британских островов и Великим Стюардом Шотландии.

Вступление на престол предшествующего Георга (Пятого) было ознаменовано дурбаром в Индии, о котором было объявлено на местном наречии в *Оффисиал Газет* следующим образом:

Королевское намерение провести императорское собрание в Дели было объявлено в прокламации, опубликованной в Газетт Экстродинари от 22 марта 1911 года:

Принимая во внимание смерть нашего усопшего Повелителя, счастливой памяти, короля Эдварда, шестого мая тысяча девятьсот десятого года от рождения Христова, Мы вступили на трон в титуле Георга V, милостью божьей короля Великобритании, Ирландии и Британских доминионов, защитника веры, императора Индии; и поскольку Нашими королевскими прокламациями, датированными девятнадцатым июля и седьмым ноября тысяча девятьсот десятого года от рождения Христова, в первый год Нашего царствования, Мы опубликовали и провозгласили Нашу королевскую волю с покровительства и благословения Всемогущего Бога отпраздновать торжественную церемонию Нашей королевской коронации в двадцать второй день июня

одна тысяча девятьсот одиннадцатого года; и поскольку это Наше желание и воля оповестить всех наших преданных поданных в наших индийских доминионах, что упомянутая торжественная церемония была проведена таким образом, и призвать в Наше присутствие наших губернаторов, лейтенант-губернаторов и других наших должностных лиц, принцев, правителей и дворян местных государств под Нашим покровительством и представителей всех провинций Нашей Индийской Империи, теперь Мы этой королевской прокламацией объявляем Нашу королевскую волю провести в Дели в двенадцатый день декабря одна тысяча девятьсот одиннадцатого года, императорский дурбар с целью оповещения об упомянутом торжестве в честь Нашей коронации, и сим Мы поручаем и приказываем Нашему доверенному и достойному советнику Чарлзу Хардингу Пеншурсту, нашему вице-королю и генерал-губернатору Индии, предпринять все необходимые меры по этому поводу.

Дано при нашем дворе в Букингемском дворце, в этот двадцать второй день марта одна тысяча девятьсот одиннадцатого года от рождения Христова, в первый год нашего царствования (*Coronation Durbar, Delhi, 1911, Official Directory with Maps, Calcutta, India, Superintendent of Government Printing, 1911, pp. 1-3. Смотри Реджинальда Максвелла Вулли, «Церемонии коронации»: Reginald Maxwell Wooley, Coronation Rites, Cambridge University Press, 1915 (The Cambridge Handbook of Liturgical Study)*).

Когда в сообществе преобладают недемократические настроения, инициативы «снизу» выражены несколько тяжеловесным языком. Подчиненный использует тщательно выверенные слова и жесты, чтобы показать, что он не осмеливается нарушить привилегии своего правителя. Играя на контрасте с самоуверенностью правителя, он исполняет роль человека, неуверенного в своих суждениях. Играя на контрасте с предполагаемым всеведением вышестоящего, поданный исполняет роль того, кто медленно и мучительно взлепел лишь временные идеи. Данные средства направлены на то, чтобы умиловить это вышестоящего, что уменьшает вероятность негодования с его стороны (эффект, получаемый в ходе противопоставления

результату, а не моделирования ожидаемого результата).

Некоторые начальники приветствуют дискуссию с подчиненными, но при деспотизме необходимы особые формы для показа того, что дискуссия разрешена. Помимо прочих отклонений от стереотипа командующего офицера, такой начальник прибегает к неофициальному тону. В том случае, когда процесс принятия решения, будучи иерархически организованным, не слишком осложнен «кастовыми» отношениями, может культивироваться снисходительность.

Примером подобной ситуации, хорошо известной в США может служить пресс-конференция президента. Президент – «первый слуга» народа, но на самом деле он в значительной степени несет на себе печать «величия» главы государства, которое отчасти сохранилось со времен наследственного абсолютизма. На конференции уверенный в себе президент позволяет себе в высшей степени братскую неформальность. Однако президент США всегда имеет возможность воздержаться от комментариев или защитить себя от вопросов, выходящих за рамки его желаний. Ему нет равных в глазах народа, и он не обязан выслушивать аргументы по дискуссионным вопросам. Этому можно противопоставить процедуру вопросов к премьер-министру Британского парламента. Премьер-министр может уклониться от ответа на специфические вопросы, но он должен постоянно выслушивать аргументы, выдвигаемые лидерами оппозиции, известными в стране людьми, имеющими намерение однажды занять его место. Пресс-конференция – снисходительный «акт милости»; а парламентские вопросы и прения обязательны.

Так как сообщества движутся к демократическому правлению, тактика моделирования ожидаемого результата сменяет тактику противопоставления. Лидеры придерживаются обыденной речи и усваивают простые манеры. Современные националистические движения эгалитарны, они превозносят символы, общие для всех членов нации, а не расовые, религиозные и семейные различия, отдаляющих их друг от друга. Общая черта национализма – «возрождение» языка, которое обычно состоит в восстановлении и обогащении местного наре-

чия. Последний весомый пример – Индия, две последующие цитаты отражают именно те тенденции, о которых мы говорим. Первая цитата от Махатмы Ганди (B Zainul A. Ahmad, *National Language for India (A Symposium)*, Kitabistan Series No. 1, Kitabistan, Allahabad Law Journal Press, Allahabad, 1941, pp. 32—35. Тесная связь языка и национализма показана везде, где только рассматривается феномен национализма. Смотри Hans Kohn, *The Idea of Nationalism; A Study in Its Origins and Background*, Macmillan, New York, 1944):

...Но имена, как вы знаете, имеют огромное политическое и социальное значение вследствие своих ассоциаций, и поэтому имя, которое будет дано нашему общему языку, очень важно. До сих пор урду был единственным языком, употребление которого не ограничено какой-либо провинцией или религиозной общиной: на нем говорят мусульмане по всей Индии, а на севере страны число индусов, говорящих на нем превосходит число мусульман. Если наш общий язык не может быть назван урду, он, по крайней мере, должен обладать именем, в котором заложен особый вклад мусульман – развитие более или менее общепринятого языка. Индустани может послужить этой цели. Хинди – нет. Он изучался мусульманами в прошлом, и они сделали столько же, сколько их индусские братья, если не больше, чтобы поднять его до статуса литературного языка. Но в нем есть также религиозные и культурные ассоциации, с которыми мусульмане в целом не могут идентифицировать себя. Кроме того, в данный момент он развивает исключительно свою собственную лексику и, в общем, непонятен для тех, кто знает только урду.

*** Ниже я привожу несколько пунктов, которые, по моему скромному мнению, имеют рациональное зерно и обеспечивают крепкую основу для общего языка. Они таковы:

1. наш общий язык будет называться «индустани», не «хинди».
2. индустани не будет рассматриваться как язык, который имеет особенную связь с религиозными традициями какой-либо общины.
3. критерий «иностранность» и «туземность» не будет применяться к какому-либо слову, только к лексеме «валюта».

4. все слова, используемые индусскими писателями на урду и мусульманскими писателями на хинди, будут считаться употребительными. Безусловно, это не будет распространяться на урду и хинди как на местные языки.

5. при выборе технических терминов, особенно политической терминологии, не будет отдаваться предпочтение терминам на санскрите как таковым, и будет предоставлен больший выбор из терминов на урду, хинди и санскрите.

6. как азбука деванагари, так и арабское письмо будут считаться употребительными и официальными, и во всех учреждениях, политика которых проводится в жизнь лицами, способствующими официальному распространению индустани, будут предоставлены благоприятные условия для изучения обоих шрифтов.

Вторая цитата из речи Джавахарлал Неру (В Ahmad, цит.произв., pp. 48—49, 56, 60):

Наши великие провинциальные языки – не диалекты или наречия, как несведущие иногда называют их. Это древние языки с богатым наследием, на каждом из них говорят миллионы людей, каждый неразрывно связан с жизнью, культурой и идеями народа, так же как и высших классов. Не требует доказательств тот факт, что посредством языка народ повышает свою образованность и культуру. Поэтому неизбежным является то, что мы придаем особое значение языкам провинций и выполняем большую часть нашей работы на них. Использование любого другого языка приведет к изолированию образованного меньшинства от народа и к задержке развития последнего. Как только Конгресс приступил к выполнению своей работы, используя провинциальные языки, мы быстро наладили контакты с массами, и в стране возросли сила и престиж Конгресса. Сказанное в Конгрессе было услышано в самой отдаленной хижине, политическое сознание масс возросло. Таким образом, наша система образования и общественная работа должны опираться на провинциальные языки.

*** Это приводит нас к действительному различию между урду и хинди сегодня: урду – это язык городов, хинди – язык деревень. На Хинди, конечно же, говорят и в городах, но урду практически

полностью является городским языком. Поэтому проблема сближения урду и хинди становится гораздо шире – проблемой сближения города и деревни. Любой другой путь поверхностен, он не будет иметь длительного эффекта. Языки меняются органично, когда меняются люди, говорящие на них. ***

Поэтому наши писатели должны думать на языке массовой аудитории и клиентуры и должны осознанно писать именно для них. Произойдет автоматическое упрощение языка, а напыщенные, высокопарные фразы и конструкции, которые всегда являются признаками упадка в языке, уступят место словам силы и власти. Мы еще не оправились от представления, что культура и литературные достижения – продукты и спутники дворцовых кругов. Если мы будем считать так, то мы можем остаться в узком кругу и не сможем найти путь к сердцам и умам масс. Культура сегодня должна иметь более широкую массовую основу, и язык, являющийся одним из воплощений этой культуры, также должен иметь эту основу.

Такой подход к народу – не только проблема более простых слов и фраз. В той же степени это проблема их идейного, внутреннего содержания. Язык, на котором обращаются к народу, должен касаться его проблем, радостей и печалей, надежд и чаяний. Он должен представлять и отражать жизнь народа в целом, а не малочисленной «верхушки». Только тогда он пустит корни в почву и будет питаться ею.

Следующий документ – пример требования братского поведения со стороны официальных лиц в свободном обществе. Отличительной чертой является тот факт, что заявление сделано сравнительно неизвестным государственным деятелем в циркуляре, выпущенном гражданской службой революционной Франции в мае 1794 года (M. Thompson, *The French Revolution*, Oxford, New York, 1945, p. 428. Циркуляр был адресован гражданской службе земляком Робеспьера Германом, некогда судьей Революционного трибунала, когда он занимал пост Комиссара Гражданской администрации в мае, 1794):

Государственный служащий в первую очередь должен «сбросить старые одежды», избавиться от вычурной вежливо-

сти, которая так не вяжется с манерой держаться, характерной для свободных людей, и которая является реликвией того времени, когда несколько человек были министрами, а остальные – их рабами. Мы знаем, что старые формы правления уже исчезли. Мы должны забыть даже то, как они выглядели. Простые естественные манеры должны прийти на смену напускному достоинству, зачастую являющемуся единственной добродетелью главы департамента или секретаря городского управления. Порядочность и неподдельная серьезность – это все, что необходимо людям, занимающимися государственными вопросами. Главное качество Человека в Природе – стоять прямо. Бессмысленный жаргон старых министерств должен быть заменен простым стилем, ясным, но немногословным, свободным от раболопных выражений, от подобострастных формул, надменности, педантизма, или любого предположения, что существует власть выше меры или порядка, предписанного законом – стилем, который придерживается естественного отношения к подчиненным ведомствам. Не должно существовать условных фраз и лишних слов.

Несмотря на то, что большинство приведенных примеров, иллюстрирующих тенденцию демократии к использованию неофициального стиля, взято из разговорного и письменного дискурса, из образцов словесного поведения, основной смысл сказанного применим ко всем экспрессивным искусствам, находящимся на службе власти. Например, эта теория применима к самому массовому из искусств – архитектуре. Сравните доступность и простоту Белого Дома и Капитолия в Вашингтоне с Московским Кремлем, городом, окруженным стеной, с дворцами, построенными правителями старой Руси, не ставшим более доступным при правителях современной России, которые до сих пор заседают в нем. Подумайте о величии королевского Версаля, удаленного от толп Парижа; о принципе «далеко» и «вверх» гитлеровского Берхтесгарден.

Еще один факт, указывающий на связь демократии с моделированием ожидаемого результата – это возросшая частотность обращения к моделированию в тех случаях, когда деспотические уклады становятся народными конститу-

ционными режимами. Сохранившиеся монархии Северной Европы более доступны сегодня, чем во времена абсолютной власти и контроля. Члены династий, которые некогда сочли бы сходство с простолюдином унижительным, сегодня выставляют данное сходство напоказ.

Даже в деспотических обществах стиль государственной церемонии, проводимой в условиях всеобщей серьезной опасности, имеет тенденцию моделирования ожидаемого результата. В условиях победы император-король может воспользоваться триумфом, чтобы вознести себя над народом; но в моменты серьезной опасности лидер преувеличивает не свои отличия, а свое сходство. Он может подать всем пример, прилюдно преклонив колено перед богом или богами племени.

Во многих ситуациях существует ряд факторов, которые благоприятствуют развитию тенденции повторяемости при деспотизме. Один из этих факторов – страх, хроническое предчувствие мятежа. Одна из рудиментарных защитных реакций человека от опасности – повторение, а один из повсеместных приемов деспотизма – самозащита от видимых свидетельств неудовольствия, превращение стихийной общественной жизни в церемониальную рутину. Вместо дискуссии – шумное одобрение; вместо выборов – плебисциты; вместо законодательных органов – собрания.

Стереотипный эффект страха и беспокойства со стороны правящей группы может поддерживаться сообществом в целом. В деспотически организованных обществах навязчиво повторяющиеся типы поведения широко распространены и входят в превалирующий образец формирования характера. Периодически набегающие волны небезопасности порождают две противоречащие тенденции: с одной стороны, – попытка «смыть» беспокойство, используя старые упрощенные каналы; с другой – попытки снизить напряжение за счет изобретения новых «дренажных устройств».

В суровых кризисах, революционных или межгосударственных, тревожность достигает такой степени, что используются все доступные средства выражения. Чем выше уровень «мощности» используемых выражений, тем меньше их остается в резерве, тем более сжатым и

насыщенным повторениями становится стиль. К примеру, ораторы-истерики, громким криком достигая предела голосовых возможностей, повторяют ограниченный репертуар более или менее разборчивых фраз. Вариативность стиля сводится к нулю, так как индивидуум регрессирует до примитивной «мании бесконечного повторения». В поведении, характерном для лидеров-деспотов во время кризисов, обнаруживаются сходные черты, поскольку в обоих случаях язык используется и как ракета, и как щит. Символы и знаки перманентно ориентированы в пространстве, поляризованы против врага. В настоящее время это типично для теле- и радиопередач. В условиях, менее оснащенных технически, подобную функцию выполнял человек, обладающий громким голосом, обращаясь к вражеской армии или общаясь с недовольным населением в рабочем квартале столицы. Мы предполагаем, что наиболее насыщенным будет сообщение, адресованное тем, кто представляет серьезную угрозу. В этом случае символы и знаки являются инструментами власти, которые используются для того, чтобы свести угрозу на нет, обеспечивая безопасность и воплощая в жизнь дальнейшие проекты власти (Что касается языка политики, Хайнцем Пехтером была выдвинута важная гипотеза. «В обществе, основанном на равенстве, к языку будут относиться благосклонно в том случае, если в нем будет выражаться суверенитет поданного, созидательная сила действия, спонтанность мысли и проблемы взаимодействия и взаимной ответственности. В грамматике языка акцент будет сделан на предикации, наполнять предложение смыслом будет глагол. Иерархически структурированное общество, напротив, будет отвергать и взаимодействие между подданными, и эволюцию идей и ценностей. Оно стремится изобразить все условия в основном как статичные. Грамматика и синтаксис будут чрезвычайно сложными, язык станет вызывать восхищение. Предикат будет не ответом на вопрос, заданный поданным, а лишь комментарием. Символы-слова не будут обозначать предметы, они будут стремиться сами стать предметами с четко определенным местом в иерархии ценностей и участием в ритуале на должном уровне. (Heinz Paechter, in as-

sociation with Bertha Hellman, Hedwig Paechter, Karl O. Paetel, *Nazi-Deutsch; A Glossary of Contemporary German Usage*, Frederick Ungar Publishing Co., New York, 1944, p. 6.) Пехтер имеет веские основания для того, чтобы центром своей теории сделать личностное отношение – границы собственного «я». Он говорит, что для теории требуется рассмотрение большего контекста – смысла, чем мы включаем в наше обсуждение стиля. Вероятно, что наши гипотезы об однообразии согласуются с этим; и, вполне вероятно, что наши предположения о многообразии и противопоставлении ожидаемому результату коррелируют с этим положением).

Мы можем подвести итог теории стиля в языке политики, перечислив некоторые основные факторы, которые обуславливают использование той или иной модели символов и знаков в коммуникации. Язык – один из инструментов, посредством которого поддерживается и улучшается ценностная позиция собственного «я». В любом из приведенном примеров, собственное «я» может включать политический корпус в целом, или только часть – местность, класс, профессиональную группу или семью. Инструменты власти используются для продвижения и защиты требований, созданных собственным «я» и возложенных на себя и других. Применение каждого средства, такого как язык, видоизменяется в соответствии с ожиданиями, имеющими отношение к его вероятной эффективности. В стиле языка отражается личность говорящего или пишущего, его потребности и ожидания.

Конкретизируем: стиль отражает ожидания угрозы насилия или мирного урегулирования дебатов, в нем заложена самооценка говорящего с позиции силы или возможной слабости в перспективе. Стиль зависит от природы искомого результата, в особенности от деспотической потребности во «власти над» или демократической ценности – «власти с».

В ситуациях интенсивного кризиса, когда участник осознает, что у него нет дополнительных энергетических запасов, стиль коммуникации, отвечая тем же самым условиям, которые придают форму снарядам и щитам, приобретает немногословную сжатость и повторяющееся однообразие. Перед лицом врага символы и

знаки перебираются, для того чтобы увеличить контраст между собственным поведением и ожидаемой ответной реакцией.

По мере того как кризис утрачивает свою интенсивность, слова часто становятся самым легким средством влияния на ситуацию во власти. Вследствие этого, однообразие смертельного сражения-действия уступает место экстенсивному использованию более разнообразных элементов и вариативному использованию тактик противопоставления результату и моделирования ожидаемого результата.

Постольку появляется потребность в превосходстве, стиль модифицируется в средство выражения стремления начальника «ретиrowаться» и «возвыситься» (а подчиненного «держат дистанцию» в более низкой позиции). Когда возникает потребность в равенстве, стиль становится средством сокращения барьеров.

Утверждение, что сходство с результатом – одно из наиболее значимых измерений стиля в языке политики, не должно умалять значимость того, что сходства могут касаться других прототипов (или контрастировать с ними). В дополнение к желаемому результату на стиль оказывает влияние предопределенность. Результатом в перспективе может быть понимание (а не действие), а послание, которое необходимо понять может быть, к примеру: X – высокий человек.

Оно может быть передано не только словами, но и жестами, изображающими высоту, рисунками и скульптурой. Третья вероятность заключается в том, что стиль формируется в соответствии с оценкой объекта коммуникатором; и коммуникатор нацелен ни на что другое, как на получение удовольствия. Художник создает сцену, изображающую умирающего галла, не для того чтобы вызвать в ком-то чувство мести. Он делает это исключительно для аудитории, способной оценить технику изображения. Умирающий воин – модель символов и знаков, которая использована как способ «самовыражения» для всеобщего удовольствия, а не как средство, заставляющее аудиторию расстаться с жизнью. Следовательно, сходства стиля могут быть связаны с впечатлением, которое автор желает получить от аудитории, с заданными характеристиками объекта

или его оценкой коммуникатора. Так как ситуация власти по определению нацелена на получение результата, становится ясным, почему стиль языка политики использует тактики моделирования и противопоставления ожидаемому результату.

Предшествующий анализ, главным образом, направлен на определенные «каузальные» факторы, влияющие на стиль. Не менее интересно влияние стиля на ответную реакцию. Прагматика стиля включает взаимоопределяющий анализ «причины и результата». Главным стимулом изучения речей Уилсона, Рузвельта и других ораторов послужило желание узнать больше о технике эффективного публичного дискурса. Несомненно, в дальнейшем мы продолжим исследования в этом направлении.

Помимо этого, наибольший вклад изучение стиля может внести в проблему интерпретации значимых политических направлений. Изменения в стиле могут обозначить постепенный спад демократических настроений или зыбь надвигающегося кризиса. Характеристики стиля могут оказаться критериями диагностики деструктивных и креативных политических личностей. Поэтому стиль не следует рассматривать исключительно как украшение. Наиболее важно то, что стиль не исчерпаем, так как он является обязательной составляющей любого нюанса значения в любом процессе коммуникации. Анализ того, что передается (содержания) требует изучения смысла и стиля. Поскольку стиль – это выстраивание символов и знаков, которые являются элементарными единицами коммуникации, он фактически является структурой любого законченного высказывания (Образцы стиля, которые мы обсудили, зависят от большего количества факторов, чем те, что мы использовали в анализе. Кроме интенсивности кризиса и степени уважения, на стиль серьезно влияют любые формы, используемые политическими врагами. Каждая революция в политике сфере тесно связана с другими революционными инновациями; наша Американская революция не является исключением. В сфере архитектуры, мы отошли от стилей предпочитаемых британским правящим классом и поддержали возрождение греческой архитектуры. «Это новое культурное направ-

ление, предпринятое американскими лидерами – особенно Томасом Джефферсоном – было «верным» поворотом; это был поворот в том направлении, которое поддерживалось настроением и вкусом в мире». Для более подробной информации обратитесь к работе Талбота Хамлина «Греческое возрождение архитектуры в Америке»; «Доклад о важнейших направлениях в американской архитектуре и американской жизни до войны между штатами»: Talbot Hamlin, *Greek Revival Architecture in America; Being an Account of Important Trends in American Architecture and American Life Prior to the War Between the States*, Oxford University Press, New York, 1944. О политических гимнах и других принадлежностях политики см. Роберто Мичелз, «Патриотизм»: Roberto Michels, *Der Patriotismus*, Duncker and Humblot, Munich, 1929).

Разделяя значение и форму, древние риторы придерживались иного взгляда на стиль. Поэтому, как отмечает Вимсатт, оставалось «что-то минимальное, поверхностное, нечто вроде накипи, называемое стилем» (Свенд Ранульф попытался пролить свет на антидемократические движения в русле квантативной семантики в *Hitler's Kampf gegen die Objektivität*, Munksgaard, Copenhagen, 1946. Об изучении национального характера, смотри Пауля Кешкемети и Натана Лейтса, «Некоторые психологические гипотезы о нацистской Германии»: Paul Kecskemeti and Nathan Leites, "Some Psychological Hypotheses on Nazi Germany," *Experimental Division for the Study of War Time Communications, Document No. 60* (1945). *Republished in Journal of Social Psychology*, XXVI (1947), 141—183; XXVII (1948), 91—117, 241—270; XXVIII (1948), 141—164). С 17 века структурной значимости стиля придается большое значение, и в настоящее время мы согласны с определением Баффона о «порядке» и «движении» выражаемых мыслей.

В целом, стиль – организация частей коммуникации; этими частями могут быть простые и сложные элементы, состоящие из знаков, символов и символов-знаков. Они варьируются как и функции ситуации, в которой коммуникация является инструментом власти.

© Г. Лассвелл, 2007

© Матыгина Е. Б., Солопова О. А.
(перевод), 2007